

А. В. Мякинин

**ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ У КАЛМЫКОВ
БОЛЬШЕДЕРБЕТОВСКОГО УЛУСА СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
ДО ИЗДАНИЯ ЗАКОНА 15 МАРТА 1892 г.**

*Работа представлена кафедрой историографии и источниковедения
Ставропольского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Т. Е. Покотилова

В основе статьи лежит анализ развития земельных отношений у калмыков Большедербетовского улуса до издания закона 1892 г., давшего личные права всем членам калмыцкого общества. На основе документального материала было проведено структурное исследование изданных

за период с 1806 по 1892 г. законов, имевших непосредственное отношение к развитию земельных отношений калмыков Большедербетовского улуса.

The article focuses on the analysis of evolution of the land relations among the Kalmyks of the Bolshederbetovsky ulus before the Act of 1892, granting personal rights to all members of the Kalmyk community, was enacted. Based on the documentary material, a structural research of the acts, passed between the years of 1806 to 1892 and related directly to the development of the land relations of the Bolshederbetovsky ulus Kalmyks, has been carried out.

Сегодня история развития кочевых народов степного Предкавказья представляет исключительный интерес в связи с особым положением степных районов Ставрополя, характеризующихся рядом природно-географических, этнографических, социально-экономических особенностей. В первой половине XIX в. на территории Ставрополя проживало достаточно большое количество разных национальных групп и народов. И. В. Бентковский в своей работе «Наши кочевники и их экономическое состояние» по этому поводу отмечает: «В Ставропольской губернии считается до 90 000 т. разных кочующих народов: калмык, тухмян, киргизов, едисанцев, едишкульцев, джембулуковцев и караногайцев»¹. Обращаясь к истории кочевых народов степного Предкавказья, обратим внимание на период перехода к оседлому образу жизни калмыцкого народа Большедербетовского улуса Ставропольской губернии.

Стоит отметить, что значительная часть калмыцкого народа в первой половине XIX в. располагалась по берегам Волги. Район обитания калмыков получил название калмыцкой степи. Их кочевья находились на всем пространстве правого и нагорного берегов Волги в Астраханской губернии, в степи на левом берегу Волги, а также вдоль берегов реки Сарпы, Маныча, Салы, Кумы и вдоль Каспийского моря. Я. П. Дуброва в работе «Быт калмыков Ставропольской губернии» отмечает: «До 1860 года весь калмыцкий народ, живший в пределах Европейской России, в делах административного управления им составлял одно целое и входил в состав Астраханской губернии. С этого же года, то

есть 1860-го, незначительная часть калмыков, именно принадлежащая к Больше-Дербетовскому улусу, отчислена была от Астраханской губернии и вошла в черту Ставропольской, чем и округлились границы последней»². Н. Нефедьев в своей работе «Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте» так определял район кочевий калмыков: «Волжские Калмыки занимают кочевьем своим почти все пространство степей Астраханской губернии (и часть области Кавказской). Границы сих степей определяются с Востока рекою Волгою и дачами, лежащими на оной казенных и помещичьих селений и станиц Астраханского и Казачьяго Войска; с Юго-востока Каспийским морем; с Запада реками Кумою и Манычем и Северо-запада землями Саратовской губернии и Войска Донского. Сверх сего дозволено кочевать улусу Большедербетовскому в Кавказской области за Манычем по реке Калаусу до р. Егорлыка, а Хошоутову на лесной стороне Волги, где и прочим владельцам назначен особо общий участок для кочевья по очереди; Все сие пространство заключает в себе 10,337,728 кв. десятин земли»³. В свою очередь Я. П. Дуброва утверждает, что «по официальным же сведениям за 1860 год всей земли, находившейся в пользовании калмыков Астраханской и Ставропольской губерний, числилось 10,297,587 десятин...»⁴.

Если рассматривать калмыцкий народ в общем, то он делился на три главных рода, которые, в свою очередь, делились на 9 улусов. Улусы были разделены на аймаки, т. е. участки зайсангов. Самым мелким административным делением были хотоны, состоящие из нескольких кибиток. Родовое де-

ление общества калмыки сохранили со времен Монгольской империи. Калмыцкое общество делилось на три следующих рода: 1) Торгоуты; 2) Дербеты; 3) Хошоуты. Торгоуты разделялись на 6 улусов: Икицохуровский, Яндыковский, Харахусовский, Эрдени-Кичиковский, Багацохуровский, Эркетеневский. Род Дербетов получил свое название от монгольского слова «дербюн», что означает четыре, так как составлял 1/4 часть монгольского войска. Название рода Хошоутов происходит от слова «хош», что означает «стан» или «лагерь», что объясняется тем, что они являлись довольно воинственным народом. «В XIX веке род Дербетов, был разделен на два улуса: Большедербетовский и Малодербетовский. Фактически астраханские калмыки составляли Малодербетовский улус, кочевали отдельно с 1785 года...»⁵ – пишет Н. Нефедьев. В улусы же объединялись лишь те люди, которые вели свое происхождение от одного родоначальника.

Улус, как уже было отмечено, делился на аймаки и хотоны. «Хотон – кочевой поселок, состоящий из близких родственников. В хотоне было от 15 до 20 кибиток, а иногда и меньше»⁶. Аймак являлся группой нескольких хотонов как союз родственных между собою семей разных ветвей, получившихся в результате дробления древних родов. Величина аймаков была различна. «Иногда аймак был не больше хотона, а иногда в нем было больше 100 и даже до 200 кибиток»⁷.

По материалам переписки Главного пристава по вопросу о передаче калмыков и инородцев-магометан в ведение Министерства внутренних дел (1825 г.) калмыков в Астраханской губернии числилось: «Нойонов муж. [пола] – 16, жен. – 18. Зайсангов аймачных муж. [пола] – 179, жен. – 171. Зайсангов безаймачных муж. [пола] – 1655, жен. – 1480. Ламайского духовенства муж. [пола] – 1823. Калмыков простолюдинов муж. [пола] – 67894, жен. – 61612 ...

В Ставропольской губернии, где имеется один только Большедербетовский улус, калмыков числилось: Нойонов муж. [пола] – 1, жен. – 2. Зайсангов аймачных муж. [пола] – 2. Зайсангов безаймачных муж. [пола] – 62, жен. – 58. Духовенства муж. [пола] – 125. Калмыков простолюдинов муж. [пола] – 5966, жен. – 5721. Итого: муж. [пола] – 6156, жен. – 5781. Всего 11937 душ»⁸.

Анализируя жизнь калмыков первой половины XIX в., отметим, что она полностью зависела от состояния скотоводческого хозяйства. Жилище, пищу, одежду – все это давало кочевое хозяйство. Стада служили обеспечением нормальной жизнедеятельности кочевников. В работе Ф. Бюллера «Иностранцы Астраханской губернии» подчеркивалось: «Разведение скота составляет издавна единственную хозяйственную склонность калмыков»⁹. Весьма богато скотоводство у калмыков в начале XIX столетия. «Общее количество рогатого скота, овец простых и тонкорунных, коз, свиней, верблюдов и лошадей в 1803 г. насчитывалось – 1,232,808 голов. В 1809 г. – 1,179,385 голов»¹⁰, – пишет Ф. Бюллер. Однако уже «к концу двадцатых годов хозяйство калмыков приходит в упадок. 1827 г. – 805,105 голов. В следующее десятилетие полное расстройство. 1837 г. – 235,421 голов. С 1840 и по 1845 г. постепенное восстановление и размножение. 1840 г. – 453,543 голов, 1841 г. – 537,927 голов, 1842 г. – 664,069 голов, 1843 год – 803,548 голов, 1844 г. – 958,885 голов»¹¹. Рассматривая одну из причин упадка скотоводческого хозяйства, Бюллер называет суровые зимы.

Те из калмыков, кто вообще не имел скота, оставляли кочевую жизнь. Их называли байгуши. Из-за отсутствия скота – единственного источника пропитания – они вынуждены были становиться наемными рабочими. Калмыки нанимались в рыбопромышленные ватаги. «На ватагах и мореходных судах Калмыки исключительно употребляются как рабочие (музуры). Их

труд также использовался в работах при добыче соли из озер, и они нанимались гребцами на суда, а не для ловли рыбы и боя тюленя»¹², – отмечает Ф. Бюллер.

Очевидно, что к середине XIX в. произошел упадок в скотоводческом хозяйстве калмыков, который исследователи связывали с природными катаклизмами и социально-экономическим расслоением общества. Это вынуждало калмыков переходить к оседлому образу жизни. Кроме всего прочего, государственными органами предпринимались попытки внушить кочевникам «преимущества и выгоды жизни постоянной перед кочевой»¹³.

Вторая половина XIX в. для кочевых народов степного Предкавказья характеризуется исследователями как постепенный переход от кочевого образа жизни к оседлому. Одним из первых таких народов были именно Большедербетовские калмыки. С. Фарфоровский в своей работе «Народное образование среди калмыков большого дербета в связи с их бытом и историей» указывает: «С половины прошлого столетия у калмыков стало наблюдаться сильное стремление к оседлости. Этот процесс задерживался тем обстоятельством, что земельные права калмыков были плохо урегулированы положением 19-го мая 1806 года»¹⁴. Вспоминая это положение, нужно сказать, что в пункте 1 рассматриваются места и границы, назначенные для общего кочевья калмыцкого народа. «Для общаго кочевья Калмыцкаго народа передается нагорная степь, от реки Волги и по прилегаемой при сем ограничивающаяся с одной стороны дачами помещичьими, казачьими и казенных поселений, с другой Каспийским морем и рекою Кумою до селения Володимировки и оттуда даже до реки Каныча, а от оной рубежем земель войска Донскаго до приделов владения селений Чапурняков Цацы, в Самарской Губернии лежащих»¹⁵. Пункт 5 данного положения подтверждает право калмыцкого народа на пользование землей, им отведен-

ной: «Все угодья, кои на отводимых Калмыкам землях и прогонах находиться будут, предоставить в их пользу и употребление»¹⁶. Пунктом 7 этого положения калмыкам запрещалось кочевать близ реки Егорлыка (Ставропольской губернии), на местах, удобных для поселения и изобилующих водопоями: «Сверх пространства земли, Калмыкам вообще назначеннаго, дозволяется Дербетовскому Улусу по многочисленности его иметь кочевье и за Манычем по реке Калаусу до большого Егорлыка»¹⁷. По пункту 8 того же положения, калмыки должны быть всегда готовыми к уступкам земли на случай необходимости наградить ею кого-либо по высшему усмотрению: «Земли, по Егорлыку лежащая, признаются способными для поселения крестьян...»¹⁸.

Из положения 19 мая 1806 г. видно, что, обеспечив права калмыков на кочевку в известных границах степного пространства, правительство, в то же время и тем же положением, не дало им права на неотъемлемое, исключительное владение землей, отведенной под кочевья. Напротив, оно в ясно выраженной форме лишь позволяло калмыкам Большедербетовского улуса кочевать в указанных им местах, но не присваивало им прав собственности на эти места. Комиссия, образованная для наделения калмыков землей, приблизительно назначила места и границы для кочевий калмыков, не отделив калмыков Ставропольской губернии от Астраханской, позволила по калмыцким землям кочевать туркменам и ногайцам.

С. В. Фарфоровский в своей работе «Народное образование среди калмыков большого дербета в связи с их бытом и историей» пишет: «Для общаго летняго кочевья всех улусов, кроме Большедербетовскаго, было отведено 4.065.283 дес. Для летняго очередного кочевья всех улусов, кроме Хошоутовскаго – 472.406 десятин. Для летняго кочевья Хошоутовскаго улуса – 337.391 десятин, для зимняго кочевья – 689.374 дес. Для зимняго кочевья Яндывовскаго, Багоцохуровскаго и Эркетеневскаго улусов –

1.438.600 дес. Для зимняго кочевья Икицохуровских калмыков и Харакусовскаго улуса 784.371 дес. Для зимняго кочевья Малодербетовскаго улуса – 1.637.258 дес. Для зимняго и летняго кочевья Большедербетовскаго улуса – 872.304 дес. Из всего количества десятин (10.297,587 дес.) на Астраханскую губернию приходилось 8.599.415 дес., на Ставропольскую – для Большедербетовскаго и части Малодербетовскаго улусов 1.508.172 дес... Большедербетовский 812 киб. (со 145.650 головами скота).

Малодербетовскому улусу по планам отведено 1.637.258 десятин, в том числе в отдельной части улуса в Ставропольской губернии 725.868 дес. (остальные 911.390 дес. в Астраханской)¹⁹.

В 1834 г. было издано «Положение об управлении калмыцким народом». Это Положение, в отличие от Положения 1806 г., более четко рассматривало права калмыков: «Калмыки, кочующие в губерниях Астраханской и Ставропольской, находятся под покровительством общих законов Империи, наравне с прочими подданными...»²⁰. Двенадцатилетний опыт, после издания положения 1834 г., показал необходимость в изменениях и дополнениях положения об управлении калмыцким народом. В 1847 г. были произведены таковые «Высочайшие утвержденным Положением об управлении Калмыцким народом». Этим положением было определено, что вся земля, занимаемая калмыками под их кочевья, считается принадлежащей Министерству государственных имуществ, а калмыкам она отводится только во временное пользование, без прав собственности на нее. В пункте 6 данного положения сказано: «Земли, отведенныя Калмыкам от казны, считаются состоящими у них на праве общего пользования»²¹. Далее, в пункте 7, говорится: «Распределение земель между Калмыками для кочевьев производится поулусно...»²². В пункте 10: «По праву пользования землями, Калмыки могут на отведенных им землях строить дома, учреждать

фабрики и заводы, разводить сады, леса, огороды, упряжняться в хлебопашестве и пользоваться всеми угодьями...»²³. Таким образом, очевидно, что по Положению 1847 г., как и по предыдущим (1806 и 1834 гг.), калмыки должны были всегда быть готовыми к оставлению тех или других мест своих кочевий, не являясь собственниками этой земли. Но при этом были и положительные моменты, связанные с введением Положения 1847 г.: главный пристав, как блюститель калмыцких интересов, установил правилом сдачу земли в аренду путем торгов при улусном управлении.

До 1860 г. очень острым оставался земельный вопрос между калмыками Большедербетовскаго улуса (отделенного от Астраханской губернии и переданного в ведомство Ставропольской губернии в 1860 г.) и ногайцами, кочующими на этой территории. С. В. Фарфоровский характеризовал эти события так: «Астраханское начальство, вследствие отдаленности этой степи, а также по причине столкновений со ставропольским управлением, было бессильно решить распри калмыков с магометанами»²⁴.

Вопрос о проведении между Астраханской и Ставропольской губерниями определенной пограничной черты окончательно был решен Положением 1860 г.: «Государь Император, согласно представлению Наместника Кавказа и Министра Государственных Имуществ, признавая необходимым, для прекращения споров и недоразумений, возникающих между Астраханским и Ставропольским губернским начальствами по заведыванию Калмыками и Магометанскими народами, кочующими на землях как Астраханской, так и Ставропольской губерний, – согласно положению Кавказского Комитета Высочайше соизволил повелеть: 1. Сохранив нынешнюю границу между Астраханскою и Ставропольскою губерниями от пределов Войска Донскаго по реке Манычу, провести ее между сими губерниями от Маныча не на реку Куму, а на лежащий к северу от сей реки приток

Гуйдук, по особой линии... 2. Всю калмыцкую степь в Ставропольской губернии, в новых ее пределах, с кочующими на оной Калмыками Большедербетовскаго и отдельной части Малодербетовскаго улусов с их управлениями, а равно и учережденные в пределах сей степи станицы из государственных крестьян, передать из ведомства Астраханскаго губернскаго начальства в ведение Ставропольскаго губернскаго начальства»²⁵. Таким образом, калмыки с их учреждениями входили в ведение главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии. Этим решением был завершен долготный земельный спор между калмыками и ногайцами.

По мнению С. В. Фарфоровского: «С 1860 года особенно быстро стал совершаться процесс перехода калмыков к оседлости. Условия этого перехода были выработаны главным приставом Мевесом. Полагалось на каждую душу мужского пола нарезать по 30 десятин, причем никто не принуждался к оседлости, и этот переход совершался вполне естественно. Мевес даже не хотел пугать инородцев формами сельского управления по образцу государственных крестьян. Предполагалось преобразования вводить исподволь, постепенно, избегая всякаго резкаго принуждения. Калмыки довольно скоро и хорошо начали ассимилироваться с сельским населением и оказывали большие успехи в оседлой организации»²⁶.

Я. П. Дуброва, изучая Большедербетский улус после отделения его от Астраханской губернии и присоединения к Ставропольской, указывает: «Больше-Дербетский улус состоит из пятнадцати отдельных родов – именно: 1) Икитуктунов с 504 душ мужского пола и 19,120 дес. земли; 2) Баго-Бурулов – 546 душ и 16408 дес. земли; 3) Кюбетов и 4) Бюдермисов род не разделенные между собой – 698 душ и 22,355 дес. земли; 5) Абганеров – 237 душ и 8,195 дес. земли; 6) Цоросов 7) Шеретов и 8) Тарачинеров не разделенные между собой 489 душ

и 16,137 дес. земли; 9) Икитуктунов второй – 370 душ 12,435 дес. земли; 10) Абгачер-Гаханкинов – 360 душ и 9,800 дес. земли; 11) Икичоносов и 12) Будульчинеров – 1542 душ и 61,458 дес. земли; 13) Хаджинкинов – 177 душ и 7500 дес. земли; 14) Багатуктунов первый – 642 душ и 35,037 дес. земли; и 15) Багатуктунов второй – 86 душ и 9,800 дес. земли»²⁷.

«С 1871 года земля отведена была калмыкам уже не под их кочевья, как то было ранее, а под оседлые поселения со строгим и точным разграничением земельных дач для каждого отдельного рода, а не сплошь для всего населения Больше-Дербетского улуса, равно и с точным же обозначением количества душевого надела, именно – тридцати десятин на каждую мужскую душу»²⁸.

Акт 1871 г. также не дал калмыкам прав владения землей, отведя им лишь право владения в виде душевного надела. Однако этим актом был сделан весьма важный шаг вперед в деле приобретения народом прав собственности на душевой надел на общинных началах.

Правительственный акт 1871 г. не дал калмыкам владельческих прав на землю, оставив ее только в пользовании, но все-таки он важен для народа тем, что «земля отведена уже под оседлые поселения, [она была] разграничена и разделена между отдельными родами, что и имело весьма важные последствия в устройстве дальнейшего экономического быта больше-дербетцев и заставило их круто изменить строй своей жизни»²⁹.

Вопрос об оседлом поселении калмыков был поднят еще в 1862 г., в докладе министра государственных имуществ. Затем началось генеральное межевание калмыцкой степи, которое продолжалось несколько лет. Основопологающим документом в наделении 13 калмыцких родов землей являлось распоряжение Ставропольского губернатора Властова, утвержденное кавказским наместником великим князем Михаилом

Николаевичем. «В 1871 году Его Высочеством наместником Кавказа было утверждено распоряжение Ставропольского губернатора об отводе душевых наделов, согласно с законом 1846 года отвод состоялся. Закончилось составление материала в 1872 году»³⁰. Из данного документа следует, что калмыки получали определенные земельные участки «в постоянное обещанное пользование по родам соответственно составу их общин, причем за норму надела было принято... 30 десятин на душу мужского пола для калмыков простолюдинов, 400 десятин для аймачного зайсанга для его семейства и 200 десятин для безъаймачного зайсанга. Также на семейство Нойону, бывшему улусовладельцу, отрезан участок в количестве 1,500 десятин, а духовенству Ламайскому, по числу 125 духовных лиц, состоящих при пяти хурулах в улусе, отведено 3750 десятин»³¹.

Исходя из вышесказанного, нужно отметить, что земля оказалась в общем пользовании каждого калмыцкого рода. Часть земли улуса, которая осталась после

выделения наделов родам, «в количестве 5,179 десятин [была] обращена в оброчные участки, арендный доход которой поступал в Калмыцкий общественный капитал»³². Благодаря закону 1871 г. калмыки Большедербетовского улуса стали вести полуоседлый образ жизни, так как земля была отмерена калмыцким родам под оседлое поселение. Кроме этого, по данным фонда Государственного архива Ставропольского края «Управление кочующих народов»: «Калмыки воспользовались правом сдавать родовую землю в аренду, что оказало благотворное влияние на крестьянское население почти целой трети губернии... [получив] калмыцкие земли, сдаваемые родами, [крестьяне получили] за удовлетворением собственных нужд, также серьезное подспорье в хлебопашестве и скотоводстве»³³.

В 1872 г. были закончены работы по наделению землей всех калмыцких родов Большедербетовского улуса. Распределение наделов в нем было представлено следующим образом³⁴ (табл. 1).

Таблица 1

Распределение наделов в Большедербетовском улусе, 1872 г.

Название рода	Число на личных д. м. п.	Отведено десятин земли			На душу приходилось		
		Удовл.	Неудовл.	Всего	Удовл	Неудовл.	Всего
Икитуктунов 1	504	15120	400	15520	30	0,7	30,7
Абганеров	237	7110	483	7593	30	2	32
Цорос-Шерет-Тарачинеров	370	11100		11100	30		30
Икитуктунов 2	624	19260	15885	35145	30,8	25,4	56,3
Багатуктунов 1	86	2580	400	2980	30	4,6	34,6
Багатуктунов 2	300	9000	680	9680	30	2,2	32,2
Абгачер-Гаханкинов	177	5310	2190	7500	30	12,3	42,3
Хаджинкинов	1380	41400	12988	54388	30	9,4	39,4
Икичносов	162	4860	1610	6470	30	10	40
Будульчинеров	698	20940	795	21735	30	1,1	31,1
Бюдермис Кюбетов	546	16380	28	16408	30	0,05	30,05
Багабурулов	507	14670	1460	16130	29	2,8	31,8
Всего	5591	167730	36919	204649	30	6,6	36,6

Из табл. 1 следует, что к 1872 г. все калмыцкие рода Большедербетовского улуса получили определенный земельный надел в общественное пользование по каждому роду в размере 30 десятин. Отведенной землей распорядилась община, которая устанавливала

периодические переделы пахотных земель и ежегодные переделы сенокосных угодий.

В конце XIX в. произошло уменьшение мужского населения улуса. Распределение земли в этот период было представлено таким образом (табл. 2)³⁵.

Таблица 2

Распределение наделов в Большедербетовском улусе, конец XIX в.

Название рода	Число д. м. п.	Количество десятин земли			На душу приходилось		
		Удовл.	Неудовл.	Всего	Удовл.	Неудовл.	Всего
Инитуктунов	295	15120	400	15520	51,2	1,4	52,6
Абганеров	183	7110	483	7593	38,8	2,6	41,4
Цорос-Шерет-Тарачинеров	327	11100		11100	33,9		33,9
Икитуктунов 2	564	19260	15885	35145	34,1	28,2	62,3
Багатуктунов 1	79	2580	400	2980	32,6	5,1	37,7
Багатуктунов 2	208	9000	680	9680	43,2	3,3	46,5
Абгачер-Гаханкинов	154	5310	2190	7500	34,5	14,2	48,7
Хаджинкинов	1119	41400	12988	54388	37	11,6	48,6
Икичиносов	160	4860	1610	6470	30,3	10,1	40,4
Будульчинеров	445	20940	795	21735	47	1,8	48,8
Бюдермис-Кюбетов	319	16380	28	16408	51,3	0,09	51,4
Багабурулов	310	14670	1460	16130	47,3	4,7	52
Итого:	4163	167730	36919	204649	40,3	8,8	49,1

Из вышеприведенных данных следует, что по отдельным родам Большедербетовского улуса произошло сокращение мужского населения, а вследствие этого образовался избыток земли, который давался крестьянам в аренду «на условиях скупщины (арендатор платит земледельцу 1/3 копны) и доходы с них идут на уплату податей и всякого рода повинностей, а также на образование родовых капиталов»³⁶.

Арендная цена за землю калмыков после введения законодательного акта 1871 г. была очень низкой: «Калмыцкая земля сдавалась в аренду, от семи копеек в год за десятину под распашку и сенокосение, тогда как действительная стоимость той же десятины между крестьянами никогда не была ниже пятидесяти копеек в год»³⁷. Однако в январе 1892 г. в Большедербетовском улусе состоялись торги «на отдачу в оброчное содержание четырех участков калмыцкой земли, высшая цена

предложена за участки из надела Князе-Михайловского поселка: в 3671 дес. крестьянином Таврической губернии, Мелитопольского уезда, Терпеньевской волости селение Кизляр Архипом Кордуданом по 52 1/2 коп. за десятину в год»³⁸. Как следует из документа, арендная цена значительно выросла со времени наделения калмыков земельными участками. «На последующих торгах она составила 72 1/4 коп. за десятину»³⁹. Это мнение подтверждает и Я. П. Дуброва: «Цены на землю с первых же торгов повысились не только вдвое и втрое, но гораздо значительнее. Так, вместо прежних семи, тридцати и пятидесяти копеек за десятину, та же самая земля с торгов пошла от рубля и до двух с лишком, несмотря даже на то, что она оказалась испорченной, то есть перепаханной и крайне истощенной»⁴⁰.

Чтобы калмыки не только на бумаге, но и в действительности были бы свободны-

ми сельскими обывателями, был издан законодательный акт «Высочайше утвержденным 15 марта 1892 года мнением Государственного совета калмыки простолюдины были освобождены от существующих до того времени обязательных отношений к высшим сословиям – нойонам-владельцам и зайсангам, и им были дарованы все личные права, предоставленные общими законами Империи свободным сельским обывателям»⁴¹. Этим законом калмыки-простолюдины были освобождены от зависимости нойонов и зайсангов, а также от участия последних в делах сдачи калмыками-простолюдинами своих земель в аренду. По мнению Г. Н. Прозрителева, «...в 1892 году последовало в высшей степени важное в жизни калмыков распоряжение»⁴².

Так завершилось генеральное межевание земли в Ставропольской губернии Большедербетовского улуса, в результате которого калмыкам были выделены земли под оседлое поселение на льготных условиях. В 1903 г. Министерство внутренних дел командировало в калмыцкую степь Астраханской и Ставропольской губерний одного из чиновников с целью ознакомления с образом жизни калмыков. В итоге им были сделаны следующие выводы: «Астраханские калмыки остались по-прежнему кочевниками-скотоводами, а ставропольские калмыки почти не отличаются по образу жизни и занятиям от оседлого сельского населения»⁴³. Подобное утверждение подтверждается документально: «За последние три десятка лет в силу атмосферических и экономических причин совершенно [калмыки] прекратили вести кочевое хозяйство»⁴⁴. Переход от кочевого образа жизни к оседлому у калмыков Большедербетовского улуса, начавшийся еще в первой половине XIX в. в условиях четкой сословной иерар-

хии, завершился отменой личной зависимости законом 15 марта 1892 г.

Итак, к первой половине XIX в. относятся первые попытки русских властей по привлечению калмыков к оседлому образу жизни. В это время были приняты законодательные акты, которые способствовали перестройке кочевого скотоводческого хозяйства калмыков: «Положение об отводе калмыцких земель» 1806 г., «Положение об управлении Калмыцким народом» 1847 г. Во второй половине XIX в. начинается качественно новый этап в жизни калмыков Большедербетовского улуса: положением 1860 г. был решен вопрос о проведении между Астраханской и Ставропольской губерниями определенной пограничной черты; в 1871 г. Его Высочеством наместником Кавказа было утверждено распоряжение Ставропольского губернатора об отводе душевых наделов калмыкам Большедербетовского улуса; в 1872 г. были закончены работы по наделению землей всех калмыцких родов Большедербетовского улуса; в 1892 г. законом были отменены зависимые отношения в калмыцком обществе.

Сословный принцип деления в калмыцком обществе, тормозивший развитие земельных отношений, ушел в прошлое. На рубеже XIX–XX вв. калмыки Большедербетовского улуса стали вести скотоводческо-земледельческое хозяйство и полностью перешли к оседлому образу жизни. Важно отметить, что всех калмыков, независимо от их социального статуса, государственные власти наделили землей. Земля стала вовлекаться в товарный оборот, став предметом заключения арендных сделок и объектом купли-продажи, играя качественно новую роль в скотоводческо-земледельческом хозяйстве калмыков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бентковский И. В. Наши кочевники и их экономическое состояние. Ставрополь, 1879. С. 1.

² Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 года. Казань. 1898. С. 2.

- ³ *Нефедьев Н.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб., 1834. С. 1–2.
- ⁴ *Дуброва Я. П.* Указ. соч. С. 11.
- ⁵ *Нефедьев Н.* Указ. соч. С. 91.
- ⁶ *Устюгов Н. В.* Калмыки в первой половине XIX века. Элиста, 1960. С. 18.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.
- ⁹ *Бюллер Ф.* Иностранцы Астраханской губернии // Отечественные записки. 1846. № 8. С. 87.
- ¹⁰ Там же. С. 88.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 97.
- ¹³ Свод Законов Российской империи. Т. II. СПб., 1892. С. 51.
- ¹⁴ *Фарфоровский С. В.* Народное образование среди калмыков большого Дербета в связи с их бытом и историей. Ставрополь, 1912. С. 199.
- ¹⁵ Полное Собрание Законов Российской Империи с 1649 года. Т. XXIX. 1806–1807. СПб., 1830. С. 285.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 286
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Фарфоровский С. В.* Указ. соч. С. 199–200.
- ²⁰ Свод Законов Российской империи. Т. II. СПб., 1892. С. 50.
- ²¹ Полное Собрание Законов Российской Империи. Т. XXII. 1847. СПб., 1848. С. 349.
- ²² Там же. С. 349–350.
- ²³ Там же. С. 350.
- ²⁴ *Фарфоровский С. В.* Указ. соч. С. 200.
- ²⁵ Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание II. Т. XXXV. 1860. СПб., 1862. С. 222.
- ²⁶ *Фарфоровский С. В.* Указ. соч. С. 201.
- ²⁷ *Дуброва Я. П.* Указ. соч. С. 97–98.
- ²⁸ Там же. С. 214–215.
- ²⁹ Там же. С. 194.
- ³⁰ ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 321. Л. 1.
- ³¹ *Воробев Ф. И.* Очерк Большедербетовского улуса. Природа и хозяйство на свободных калмыцких землях. Ставрополь-Кавказский, 1909. С. 56.
- ³² ГАСК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 46. Л. 322.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Ставропольский государственный краеведческий музей (далее – СГКМ). Ф. 2. Г. Н. Прозрителев. Д. 99. Л. 27.
- ³⁵ Там же. Л. 28.
- ³⁶ *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 109.
- ³⁷ *Дуброва Я. П.* Указ. соч. С. 166.
- ³⁸ ГАСК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 27. Л. 18.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ *Дуброва Я. П.* Указ. соч. С. 211.
- ⁴¹ СГКМ. Ф. 2. Г. Н. Прозрителев. Д. 99. Л. 3.
- ⁴² *Прозрителев Г. Н.* Военное прошлое наших калмыков. Ставрополь, 1912. С. 41–42.
- ⁴³ СГКМ. Ф. 2. Г. Н. Прозрителев. Д. 99. Л. 7.
- ⁴⁴ ГАСК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 46. Л. 324.